

— Давно не виделись.

В те годы, находясь под неусыпным надзором семьи Чжоу, Дань Сун едва мог позаботиться о себе. Боясь, что мачеха найдет повод для придирок и это отразится на нормальной жизни Тун Чжао, он поручил другим людям спонсировать его обучение, и за пять лет ни разу не показался на глаза.

Через обрывочные сведения, доходившие от связного, он знал лишь, что Тун Чжао ведет себя паинькой, учится с невероятным усердием, считается одним из лучших на актерском факультете и начал сниматься в кино еще в студенческие годы, показывая блестящие результаты.

Контактные данные, которые он оставил Тун Чжао, были использованы лишь однажды, вскоре после того, как тот пришел в индустрию развлечений — парень сам попросил о помощи. Дань Сун тогда распорядился помочь, но это, кажется, породило какие-то слухи, которые, к несчастью, невозможно было опровергнуть.

Тун Чжао тогда очень деликатно передал через того же связного, что нынешнее положение его вполне устраивает: мол, раз ходят сплетни о влиятельном покровителе, обычные люди теперь не смеют к нему приставать.

Умел же он находить радость в горе.

Однако это все равно отразилось на его актерской карьере, иначе с такой выдающейся внешностью и способностями, при его трудолюбии и стойкости, он давно стал бы большой звездой.

Взгляд Дань Суна медленно скользил по лицу сидящего напротив омеги. Это был первый раз, когда он видел этого ребенка с такого близкого расстояния. Раньше он лишь издали мог оценить его красоту, а теперь, когда лицо оказалось перед глазами без всяких прикрас, можно было без преувеличения сказать — оно было безупречно.

Черты лица складывались в идеальные пропорции, каждая деталь была прорисована с пугающей четкостью. По логике, такая яркая красота должна была обладать агрессивной энергетикой, но только не эти глаза: округлые, с чуть опущенными внешними уголками, они светились такой наивной и чистой невинностью, будто из них вот-вот выплеснется сама жизнь, нейтрализуя любую остроту.

Взгляд поднялся чуть выше, и при внимательном рассмотрении можно было заметить, что кончики волос Тун Чжао слегка завивались — очень покладисто.

Дань Сун сам не заметил, как засмотрелся. Даже такой чистый, лишенный всякой похоти взгляд, задержавшийся на слишком долгое время, заставил Тун Чжао почувствовать себя не в своей тарелке.

Тун Чжао опустил глаза, прячась от жгучего взгляда собеседника.

Они виделись впервые с момента того расставания. Тогда этот человек даже не назвал своего имени. Тун Чжао хотел его найти, но мог сделать это лишь по тому самому номеру телефона, а беспокоить связного лишний раз не хотелось — боялся стать обузой, а еще больше — что его частые обращения доставят неудобства самому Дань Суну.

Он был глубоко благодарен за спонсорство: в конце концов, они были лишь случайными знакомыми, оказавшими друг другу маленькую услугу, и нельзя было вечно пользоваться чужой добротой.

В этот раз с браком все было иначе. Тун Чжао понимал, что это не пустяк: такие влиятельные семьи, как Цинь и Чжоу, обладали властью, недоступной обычным людям. Когда он тогда просил Дань Суна о помощи, то смутно чувствовал, что тот сам находится в тисках обстоятельств и не может открыто появиться, действуя лишь через посредников.

Он все понимал, поэтому еще меньше хотел доставлять человеку хлопот. Он хотел попробовать разобраться сам, а если не выйдет — тогда уж, набравшись наглости, просить о помощи; пути к отступлению всегда оставались.

Он шел сюда, надеясь обсудить условия с будущим супругом, но неожиданная встреча в такой обстановке вызвала в душе Тун Чжао целую бурю чувств, которые он не мог выразить словами.

Впрочем, радости, наверное, было больше — ведь это можно было с натяжкой назвать встречей старого друга в чужих краях, что само по себе считалось большой удачей.

Тун Чжао снова поднял голову, посмотрел на собеседника сияющим взглядом и искренне произнес:

— Господин Дань, спасибо вам за то, что спонсировали мое обучение. Я всегда хотел поблагодарить вас лично.

Внезапно официальный тон заставил Дань Суна вздрогнуть. Диалог почти в точности повторял тот, что был много лет назад, только роли поменялись.

— Не стоит благодарности, — ответил он.

А затем добавил:

— Ты поблагодарил меня, я поблагодарил тебя — считай, мы в расчете. Давай больше не будем разбрасываться благодарностями.

— Хорошо, договорились.

Сказав это, Тун Чжао почувствовал себя неловко. Осознав, что все еще полулежит на стуле, он

выпрямился.

Дань Сун, заметив это, положил руку ему на плечо и с непреклонной силой подтолкнул обратно к спинке кресла:

— Не нервничай.

— ...Я не нервничаю.

— Тогда почему опустил голову?

— ...

Этот человек сильно изменился за пять лет. Прежде всего — тон... стал жестче. С непривычки могло показаться, что ты сказал что-то не то и разозлил его, но ведь Дань Сун вряд ли имел это в виду, верно?

Хотя внутри у него было процентов восемьдесят уверенности в этом, Тун Чжао все равно невольно вздрогнул. Он быстро метнул взгляд на внешность собеседника.

Костюм сидел безупречно, никакой небрежности. Волосы короче, чем раньше, из-за чего вид стал еще более суровым. С его ростом под метр девяносто, когда он смотрел сверху вниз, он походил не на наследника богатого семейства, а на бандита из мафии.

Заметив, что мужчина все еще пристально смотрит на него, ожидая ответа, Тун Чжао поспешно исправился:

— Кажется, немного есть. Может, вы сядете?

Дань Сун охотно согласился, словно одобряя прямоту, с которой тот озвучил просьбу:

— Делай так, как тебе удобно. Рассказывай, как ты попал в семью Цинь?

С перспективы прямого взгляда Тун Чжао действительно почувствовал себя спокойнее. Неизвестно, был ли это эффект подвесного моста, но к Дань Суну у него возникло необъяснимое доверие. Он начал медленно рассказывать о том, как Цинь Чун забрал его с банкета по случаю окончания съемок.

Дань Сун постукивал пальцами по подлокотнику, внимательно слушая, не меняясь в лице.

Тогда, из уважения к своему маленькому подопечному, он не стал глубоко копать биографию Тун Чжао, поэтому и не догадывался о его происхождении. А уж тем более не думал, что совсем недавно на этого омегу обрушится столько неприятностей.

— Почему не позвонил, когда попал в беду? — спросил Дань Сун.

Тун Чжао удивился.

— На банкете? — он помедлил, прежде чем ответить: — А, не успел.

Вспоминая тот банкет, Тун Чжао, возможно, стоило бы поблагодарить своего новоявленного родственника, которого он раньше не знал, за то, что тот вытащил его оттуда. Хотя целью было использование, это действительно решило его сиюминутную проблему. Кто бы мог подумать, что о нем, малоизвестном актере, спустя столько времени все еще помнят и специально устроили такую ловушку.

— Я не думал, что тот человек будет настолько настойчив... — прошептал Тун Чжао.

Дань Сун уловил ключевое слово:

— Тот человек? Тот, что донимал тебя в самом начале?

Тун Чжао едва заметно кивнул.

Дань Сун нахмурился. В те годы Тун Чжао говорил лишь, что перешел кому-то дорогу, поэтому его не зовут сниматься, а на расспросы отвечал уклончиво. Дань Сун, немного знавший о грязных делишках в индустрии, решил, что парню просто неловко об этом говорить, и не стал допытываться, просто отправил людей решить вопрос грубой силой.

Сейчас же выходило, что он оставил своего маленького подопечного в такой беде без должного внимания. Видимо, за эти годы в семье Чжоу он сам стал черствым и равнодушным.

Тун Чжао заметил, что и без того бесстрастное лицо собеседника стало еще холоднее, и испугался. Только он хотел смягчить обстановку, как услышал низкий голос:

— А что насчет брака? Почему не сказал? Если бы сегодня пришел не я, что бы ты делал?

Это был спокойный вопрос, в котором, возможно, сквозила забота, но из уст этого человека он звучал как невидимое давление. Словно в начальной школе на допросе у классного руководителя.

Тун Чжао опустил голову и начал теревать край одежды:

— Я слышал, что наследника семьи Чжоу тоже принуждают к этому, поэтому хотел попробовать договориться о сотрудничестве.

— Слышал?

Видя, что лицо собеседника помрачнело, Тун Чжао добавил:

— Вы ведь не сказали мне своего имени.

Если бы он знал, что Дань Сун — это и есть наследник семьи Чжоу, он бы не мучился бессонницей последние несколько дней.

Дань Сун взглянул на него искоса. Тун Чжао замолчал. Ну а что, разве нельзя было сказать? Какой же он грозный.

Видя, что Тун Чжао молчит, опустив голову и выставив напоказ лишь затылок, Дань Сун немного поразмыслил над своим поведением и смягчился:

— Напугал тебя? Раньше ты был посмелее, даже в комнату к потерявшему контроль альфе не побоялся войти.

Тун Чжао хотел ответить, что это было раньше, а сейчас ему и за восемь смелостей не хватило бы духу. Но Дань Сун, похоже, думал иначе, и в его голосе проскользнула усмешка:

— Да, верно, ты и сейчас смелый — решился связать себя узами с незнакомым альфой.

— ...

Тон Дань Суна не продержался мягким и пары секунд, снова становясь серьезным, как будто он отчитывал непутевого младшего родственника.

— Даже если это брак, это юридически признанные отношения. Ты совершенно не знаешь этого человека, как ты собираешься договариваться? Что будешь делать, если после связки альфа передумает? Если он попытается принудить тебя к метке, сможешь ли ты сопротивляться?

На этот раз это была настоящая нотация. Тун Чжао надулся:

— Я не все продумал.

— Ты просто глупый, — безжалостно отрезал Дань Сун.

<http://bllate.org/book/20016/1975115>